

Интернет — дело тонкое

О проблемах регулирования интернета в России и в мире размышляет главный аналитик РАЭК Карен Казарьян

[Московские новости, 22 апреля 2013](#)

Беседовала [Елена Кочугова](#)

В России последние законодательные инициативы, касающиеся регулирования интернета, — это, как считает Карен Казарьян, прежде всего безграмотность и самоуверенность их авторов.



Карен Казарьян эксперт по интернет-экономике и международной практике регулирования интернета. Главный аналитик Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), заместитель главного редактора журнала «Интернет в цифрах», редактор журналов «Хакер», «Железо». Автор исследования РАЭК и ВШЭ «Экономика Рунета 2011–2012»

О диалоге власти и общества

От того, что политики, чиновники и ведомства имеют свои аккаунты в соцсетях, диалог не особенно складывается. Обычно это всего лишь еще один канал политической рекламы и пропаганды.

У Барака Обамы есть великолепная команда, которая работает исключительно в социальных медиа. Их общение с народом в соцсетях — настоящее искусство, но это профанация, иллюзия диалога. Уровень недоверия к ветвям власти, к законам в США сопоставим с уровнем недоверия в России.

Лучше обстоят дела в Европе и Австралии. Чем меньше государство, тем лучше диалог властей и общества через интернет. Замечательный пример — краудсорсинговая конституция в Исландии. Впервые в мировой истории текст Основного закона написан рядовыми гражданами, причем обсуждение велось в соцсетях интернета. Вскоре после парламентских выборов, которые пройдут в последних числах апреля, конституция от интернет-сообщества должна вступить в силу.

Попытки наладить доверительное общение между властью и народом в нашей стране, казалось бы, предпринимаются, но получается плохо. По пальцам можно пересчитать личные аккаунты и ведомственные сайты, которые умеют поддерживать диалог. Отчасти это удастся Министерству связи, а также департаменту информации г. Москвы. На неофициальном твиттере российской службы судебных приставов отвечают на вопросы, связанные с выездами за границу, со штрафами. Это не фейк, кто-то очень серьезно ведет страницу. Интересные аккаунты у министра связи Николая Никифорова и министра «открытого правительства» Михаила Абызова. Понятно, что и там достаточно официоза, но одновременно много полезного.

О регулировании интернета: боязнь или безграмотность?

Я много изучал опыт разных государств по интернет-регулированию. Подобные процессы происходят сейчас практически во всем мире. Другое дело, в какую сторону смещен баланс. Невероятно часто сталкиваешься с тем, что менталитет политиков и спецслужб, независимо от страны, похож. Они, как правило, не осознают, что интернет — это не новый рупор, не медиа, не телевидение, не еще одно средство передачи информации, а совсем иная среда. Так что стремление отследить, проконтролировать, прорегулировать и заключить в привычные рамки массмедиа встречается почти везде, почти всегда. Вопрос, насколько общество может держать такие вещи под контролем и насколько та или иная позиция превалирует.

В России последние законодательные инициативы, касающиеся регулирования интернета, — это, на мой взгляд, прежде всего безграмотность и самоуверенность их авторов. Перед принятием 139-го закона о «черных списках» сайтов мы неоднократно предупреждали обо всех проблемах, которые потом вылезли. Предсказали блокировку Википедии и другие скандалы. Авторы проигнорировали мнение экспертов, причем с бравадой. Когда шли дебаты, господин Железняк прямо высказывался, что это вранье, и аргументировал, мол, ему рассказали, как правильно. Правда, не уточнил, кто именно рассказал.

Невозможно написать полноценный закон, когда отсутствуют опорные правила

Словом, не думаю, что за такими инициативами кроются какие-то страхи. Есть нежелание слушать общество, слушать профессиональные организации под предлогом «мы лучше вас знаем». А главное, есть непонимание того, что интернет достаточно тонкая среда, которая живет по своим, уже сформировавшимся, традициям и правилам. Чтобы писать законы о его регулировании, нужно хорошо разбираться в теме.

Об авторском праве и персональных данных

Постепенно понимание приходит. В последней редакции концепции о регулировании правоотношений в интернете учтены практически все предложения и замечания экспертов отрасли. Но этого недостаточно. Невозможно написать полноценный закон, когда отсутствуют опорные правила.

Сначала нужно принять 4-ю часть Гражданского кодекса (все, что касается авторских прав). На нее завязано большое количество регулирования, которое может быть. Гражданский кодекс — это основа права. И пока он лежит в Госдуме, продолжают появляться безумные инициативы наподобие той, что выдвинул Минкульт, — добавлять сайты в «черный список» за нарушение авторских прав. Проблему нужно решать как можно скорее, потому что есть текст, заверенный, одобренный и отраслевыми организациями, и правообладателями.

В России очень странный закон об использовании персональных данных, который требует серьезной редакции. Он написан скорее не для того, чтобы защищать персональные данные, а чтобы сертифицировать компании на соответствие правилам ФСБ.

Закон нарушается каждый день многими компаниями, и Роскомнадзор, понимая, почему нарушается, закрывает на это глаза. Когда нарушители все — значит что-то не так с законом, а не с людьми.

Что касается использования персональных данных, опубликованных в интернете, при приеме на работу или, как в США, в колледж, — это сейчас серая зона для всего мирового сообщества. Существуют различные юридические теории, как эта сфера должна регулироваться, но пока ни Евросоюз, ни Соединенные Штаты серьезно не брались за проблему. Не существует и международных договоров. Такие вещи по большому счету должны регулироваться именно международным правом. Как, например, регулировать использование персональных данных российского пользователя фейсбука, если нет соответствующего соглашения между Россией и США?

Последний российский закон о клевете во многом скопирован с британского. Это большая ошибка

Видимо, до определенной поры с этим придется как-то жить и как-то подстраиваться. Хотя в Евросоюзе рассматривается проект — право на удаление личной информации, я не очень верю в его реализацию, по крайней мере в полном объеме. Если что-то попало в интернет, то навсегда.

О клевете и свободе слова

Вычистить интернет от «нежелательной» информации технически практически невозможно. Для примера, в Великобритании некоторые судебные предписания звучат так: «удалить из твиттера все сообщения на данную конкретную тему». Как бы исполнители ни планировали осуществить предписание, полным успехом попытки не увенчаются.

В Британии вообще закон о клевете очень жесткий и подразумевает еще до судебного разбирательства удаление порочащей информации, запрет на ее публикацию и распространение, поэтому там самое большое в мире количество судебных исков о защите чести и достоинства. Но в эпоху интернета и социальных сетей этот закон слабо работает.

К слову, последний российский закон о клевете во многом скопирован с британского. Это, на мой взгляд, большая ошибка. Законы нужно создавать такие, которые бы уважали население, а не были явно направлены на то, чтобы защищать от критики власти предрассудки.

Но и США, где свобода слова ставится превыше всего, не стоит копировать. Список высказываний, за которые можно реально поплатиться, довольно скромный. Скажем, если вы крикнете в театре «Пожар!» и во время возникшей паники никто не пострадает, вам это может сойти с рук. Однако именно в Штатах спецслужбы недавно предприняли попытку легализовать слежку в социальных сетях и получить доступ к электронной переписке в режиме реального времени. Законопроект пока одобрен конгрессом, несмотря на яростное сопротивление интернет-сообщества и угрозы вето со стороны Барака Обамы.

Если охотиться за каждым неприятным для вас словом, написанным в интернете, — это приведет лишь к еще большему его распространению. Есть такой интернет-термин — «эффект Стрейзанд». Некий блог выложил в сеть фотографии нового дома Барбры Стрейзанд. Никто бы и не заметил, если бы актриса не подала в суд. В результате снимки распространились по всему интернету. То же случилось с «черными списками» в России.

100 минут онлайн

Активных пользователей интернета в России уже более 50 миллионов. Из них лишь около 20% — это люди старше 35–40 лет. По несколько часов в день проводят во всемирной паутине 90% российских подростков — это порядка 7 млн. С учетом же нерегулярных посетителей сетью пользуются около 76 млн россиян. По данным РАЭК, российские пользователи проводят онлайн около 100 минут в день, это делает нас одной из самых вовлеченных интернет-аудиторий мира.

О вкладе соцсетей в общественную активность

На тему о том, «как слово наше отзовется», существуют совершенно противоположные мнения. Ряд авторитетных политологов и социологов, как западных, так и отечественных, считают, что роль соцсетей в поднятии общественного тона чрезвычайно преувеличена и не следует ее превозносить. Большое число гражданских активистов с мировой известностью считают, что, наоборот, соцсети очень влиятельны и именно они ответственны за определенные события в мире и стране. На мой взгляд, обе стороны в чем-то правы, в чем-то нет.

Жизнь сообщения в блогосфере подчиняется определенной схеме. У обычного пользователя соцсетей в среднем 300–500 «друзей», но это в основном кратковременные, слабые связи. Внутри группы лишь у немногих крепкие социальные связи (в их классическом, а не интернет-понимании).

Есть некое число Данбара — количество постоянных социальных связей, которое способен поддерживать каждый из нас. Оно укладывается в диапазон от 100 до 230 человек. Как правило, месседж (политический, общественный, социальный — любой) получает реальную силу, когда распространяется через ответвления такой группы с крепкими социальными связями.

То же происходит с сообщением в интернете, только быстрее. С одной стороны, в этом состоит привлекательность соцсетей, с другой — кроется недостаток.

Есть прекрасный шуточный термин в английском языке — slacktivism (от слов slacker — лентяй и activism): грубо говоря, что-то делать, ничего не делая. Например, вы, прочитав в сети какой-то манифест или призыв, или информацию о сборе денег на благое дело, или просьбу помочь в поиске потерявшегося, лайкнули или сделали репост. Кто-то повторил эти действия уже с вашей странички, и так далее. По сути, вы ничего значимого не сделали, но, видя эффект одного клика, почувствовали себя лучше, и этого вам более чем достаточно. Так что к общественной активности в соцсетях надо относиться с определенной долей скепсиса: она редко переносится в реальную жизнь.

Селебрити vs политика

Политика и общественная жизнь отнюдь не в лидерах по интересам у завсегдатаев социальных сетей. Первое место почти во всем мире занимают развлекательная информация, лайфстайл, селебрити. На втором — новости от друзей, близких. Более 40% времени в интернете отводится социальным сетям, но внутри этого сегмента довольно сложно провести срез, политического они характера или иного рода, протестного содержания, лояльного или нейтрального. Хотя уже появились технологии, с помощью которых эту информацию можно вычленять и на ее основе составлять рейтинги общественного мнения, общественных настроений. Новостная информация в приоритете лишь в тех нестабильных странах, где интернет — единственный ее источник, где люди выходят в сеть только затем, чтобы узнать последние события и понять, что происходит в мире.